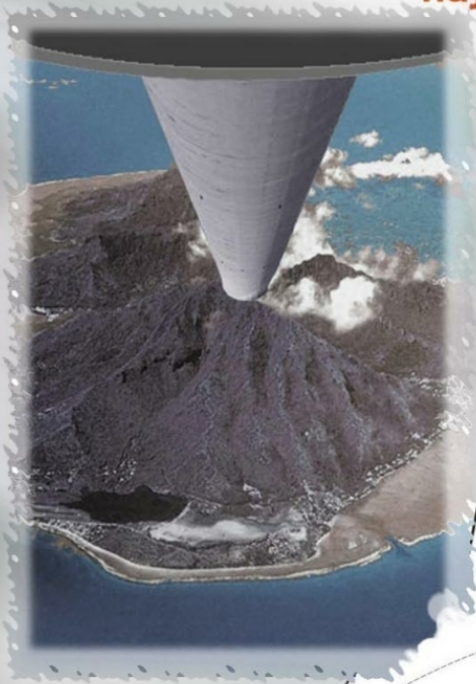

Третья лиция

научно-фантастическая повесть

А
л
е
к
с
а
н
д
р

Г
а
й
в
о
р
о
ж
с
к
и
й

Северный мыс

заросли бурой нити
(глубина 5-10 метров)

заросли лент и трубок

проекция Кольца

12+

Земные пришельцы

Александр Гайворонский

Третья Линия

«Автор»

2008

Гайворонский А. Б.

Третья Линия / А. Б. Гайворонский — «Автор»,
2008 — (Земные пришельцы)

ISBN 978-5-532-92504-5

В безбрежном океане далекого будущего, есть люди. Они живут племенем на острове, из центра которого высоко за облака висится колонна, называемая людьми Тубой. И остров, и люди, и Туба несут в себе массу секретов и интригующих тайн, разгадать которые берется главный герой по имени Коса. Рискуя жизнью он отваживается забраться на Тубу. "Третья Линия" является завершающей книгой трилогии "Земные пришельцы", к которой также относятся книга первая "Не выходя из дома" и книга вторая "Поле Маомы".

ISBN 978-5-532-92504-5

© Гайворонский А. Б., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Александр Гайворонский

Третья Линия

Пролог

На Земле нельзя было жить после геотектонического катаклизма, изменившего и поверхность планеты, и его атмосферу. Выжили только Операторы. Они хранили в своих лабораториях образцы последних представителей арийской расы, своих предшественников. Нет, не в виде живых взрослых особей. То были геномы, колонии клеток всех тканей биологического вида *Homo sapiens*, наборы клонированных эмбрионов для производства исходного материала, включаемого в состав биокибернетических систем и организмов. В биохранилищах новой расы имелись геномные матрицы практически всех видов флоры и фауны, исчезнувших после катастрофы. Некоторые планеты галактики уже заселялись регенерированными и адаптированными к конкретным условиям микроорганизмами, животными и растениями.

Операторы предпринимали попытки откорректировать биосферу Земли до прежнего состояния. Это был долгосрочный и вялотекущий проект. Они не столько стремились восстановить прежнюю биологическую жизнь в естественных условиях, сколько обеспечить больше удобств для собственных нужд. Некоторые виды микроорганизмов, простейших растений и примитивных животных находились в симбиозе с отдельными конструкциями, узлами и целыми системами искусственных образований Земли. Эти образования – терраоты, представляли собой аква- и аэроостовы (эндо- и экзоскелеты) Земли, исполинские сооружения Операторов, в которые была закована планета для обеспечения жизнедеятельности и развития новой цивилизации.

Две оболочки, одна из которых облачала Землю снаружи, а другая была погружена в океан, сплошь покрывающий планету, выполняли множество функций: служили и домом, и местом работы людей шестой расы. Вертикальные столбы, так называемые Тубы, соединяли обе оболочки, как каркас, и пронизывали Землю практически до её ядра. Диаметр сооружений был одинаков и составлял ровно 1 километр.

В том месте, где строго отвесные Тубы погружались в воды океана, за сотни лет образовывались скопления мусора, солей, остатков отмерших примитивных организмов, наросты естественного и искусственного происхождения. Большинство Туб было окружено неким атоллom, берущим начало в некоторых случаях с самого дна океана, или «муфтой», несколько выступающей над поверхностью воды. Такие «острова» с возвышающимися из их центра и уходящими в заоблачные оранжевые высоты Тубами достигали в диаметре нескольких километров.

Здесь вполне могла зародиться жизнь...

Глава 1

Девочка, лет пяти, играла на берегу океана полусферическим предметом.

– А это глазки, – тыкала она пальчиком в овальное отверстие, похожее на глазницу черепа, – а это носик...

– Зина! – позвала девочку полуобнаженная женщина с длинными черными волосами, красивой открытой грудью и обмотанным вокруг талии волосяным сетчатым материалом, – пошли есть.

Девочка бросила глухо звякнувшую игрушку и кинулась в пещеру с узким лазом.

Здесь было темно, но тлеющие угли костра в центре округлого с арочными потолками пространства создавали некоторое освещение, позволяющее ориентироваться и видеть силу-

эты людей. В пещере было пять человек: один мужчина, женщина, позвавшая девочку, и трое ребятшек примерно одного возраста с Зиной.

– Ешь, Зина, мы давно все поели. И на берег никому не выходить! Скоро огненный дождь будет.

– Опять эти киссы, – брезгливо поморщилась девочка.

– Чем они тебе не нравятся? Мы всю жизнь их едим, они самые безвредные, – женщина протянула ребёнку кусок, отломив его от обжаренного на углях животного, напоминающего осьминога.

– Дядя Коса завтра приносил элису, такая она вкусная, круглая...

– Не завтра, а вчера. Ешь, Зина. Элисы не каждый день падают с неба.

– А пусть дядя Коса поднимется в небо и поймает их, только чтобы живых он поймал. Я буду играть с ними, они красивые такие.

Женщина посмотрела на мужчину. Тот жестом пригласил её выйти наружу.

– Дари, – сказал он, когда они оказались на поверхности крутого склона, состоящего из неизвестной белёсой породы, спрессованных под собственной тяжестью серых угловатых пластинок и полукруглых черепков. – Давай я пойду наверх.

– Нет! Не пуцу. Скольких я уже похоронила в океане! И моего Дарса, и Олеша, и Жинку.

– Не перебивай меня. Я знаю путь, мне Жинка показал. Только я не пошёл тогда, испугался.

– И правильно сделал, тебе тоже не добратся.

– Но ты же знаешь, что я был самый сильный из них и выносливый. Я доберусь. И я испугался тогда не за себя. Я подумал, если мы все не вернёмся, на кого останешься ты одна, с детьми. Лучше бы тогда пошёл один я.

– Не знаю...

– Но ты должна знать... Ты же понимаешь, что я иду не за элисами!

Женщина по имени Дари улыбнулась:

– А элисы не помешали бы. Мы бы их приручили. Они давали бы нам потомство. На том берегу, – она показала рукой на ближайший из множества торчащих вдали столбов, уходящих из воды в небо, – у всех семей целые выводки, и они постоянно несут яйца, такие вкусные, я слышала от Дарса. И мясо у них немутагенное.

– Слово какое ты знаешь, «немутагенное»... Надо же. В общем, я решил. Сегодня ночью, после огненного дождя, я отправляюсь наверх.

Дари кинулась ему на шею, крепко обняла и украдкой смахнула пальцем слезу.

...Поздно ночью, когда отшелестели последние искры огненного дождя, начинающегося каждый вечер и длящегося с небольшими перерывами почти до середины ночи, Коса выбрался из пещеры, вскарабкался до самого верха. Здесь из острова торчал, упираясь в небо, исполинский столб, называющийся Тубой.

Это была цилиндрическая конструкция, ровно 1 километр в диаметре, опускающаяся с небес и уходящая глубоко в океаническое дно почти до самого центра Земли. Островитяне считали, что их остров был образован от сыплющегося вдоль Тубы на протяжении столетий всякого мусора, а также от прирастающих к металлической поверхности из вод океана минералов, солей и останков разной живности.

Гул от Тубы только что затих, он всегда прекращается по ночам на какое-то время. Коса, жилистый сухощавый мужчина, с волосатым, испещрённым шрамами телом, длинными нечёсаными волосами на голове и густой свалывшейся бородой, отправился в путь вдоль стены Тубы. На её поверхности временем, морозом, огненными молниями и крокусами, присасывающимися к стене и разъедающими её своей слюной, были образованы множественные выемки

и царапины. Они позволяли цепляться за них всеми четырьмя конечностями и карабкаться наверх.

Если иметь выносливость, силу и сноровку, то через шестую часть ночи можно добраться до Кольца, которое, вращаясь, спускается с неба почти до самого низа, очищая и полируя Тубу, ухватиться за его отверстия и вместе с ним подняться вверх. Зачем? Там, наверху (люди упорно об этом говорят), есть пещеры, где, якобы, живут родственные людям племена. Они богаты, умны и добры, у них есть пища, лекарства и всякие ценные предметы. Они примут человека с Костяного острова. Обязательно примут, потому что им нужны сильные и здоровые мужчины для их женщин, чтобы те рожали здоровых и сильных детей.

...Проходило время, но Кольца всё не было. Коса висел на отвесной стене, периодически меняя положение рук и ног. Он действительно был крепок и вынослив. Поочередно расслабляя мышцы конечностей, давал им отдыхать. Дыхание старался держать ровным. Коса усвоил ещё от деда – дыхание и концентрация внимания на работе мышц. Дыхание и движения должны быть синхронными, тогда ты самый выносливый из всех и самый долгоживущий.

Люди из верхних пещер слабы и мало живут. Им негде тренировать своё дыхание и мышцы. Они рождаются и умирают в своих пещерах высоко в оранжевых облаках. Потому их и зовут оранжами.

Наконец до Косы донёсся далёкий свистящий и прерывистый звук приближающегося Кольца.

Оно никогда не доходило до самого низа: то ли было сломано, то ли что-то ему мешало. Останавливалось, закрывая своим диском почти всё небо, на высоте пятидесяти ростов. Потом Кольцо стояло пол-угла и, вращаясь, поднималось обратно в облака.

Коса находился на высоте около сорока ростов. Это означало, что, когда Кольцо остановится, понадобится сорок-пятьдесят дыханий, чтобы добраться до него. Пол-угла – это сто пятьдесят дыханий, вполне можно успеть, правда, нужно ещё потратить время на поиск отверстий, которые располагаются на расстоянии одного роста друг от друга, а ближайšie к стене – на вытянутую руку. Через них сыплется вниз грязь, стружка, мох и всякие наросты. В основном это черепки крокусов, которые любят прилепляться к Тубам и быстро размножаются. Они похожи на голову человека, разрезанную пополам. В них есть мясо, но оно не очень вкусное, а к тому же и вредное. Даже если его хорошо прожарить, а потом много съесть, можно отравиться и сильно, долго болеть. Поэтому люди костяных островов ими не питаются.

Кольцо медленно приближалось, его неторопливое вращение вокруг Тубы вызывало изобилие звуков: свист, скрежет и хруст – это когда попадались колонии крокусов. Широкая чёрная полоса, постепенно закрывающая поблёскивающее островками звёзд небо, приближалась, угрожая снести Косу со стены. На голову сыпался мусор, проникающий через узкий зазор между Кольцом с его острыми режущими кромками и Тубой. Вращение замедлилось, и Кольцо встало. Отвесная стена коварно дрогнула, Коса изо всех сил напрягся, чтобы удержаться. Несмотря на продолжавшую сыпаться мелкую труху, мужчина сосредоточенно, рассчитывая каждое движение и сохраняя ритм дыхания, стиснув зубы и плотно сомкнув губы, ринулся вверх. Рука, нога, вдох. Нога, рука, выдох...

До Кольца оставалось два роста, когда Коса слезящимися от пыли глазами высмотрел свою цель: слева зияло отверстие, через которое виднелось искрящееся небо. Ещё четыре дыхания и... Только бы не напороться головой на частокостнейших лопаток-лезвий, примыкающих к стене. Левая рука крепко захватила край отверстия, толщина Кольца была всего в палец. Коса осторожно отцепился от стены, повис и, качнувшись над бездной, уже держался двумя руками. Теперь стояла задача протиснуться в отверстие. Его размер едва позволял просунуть голову и одно плечо. Для этого нужно было, подтянувшись на одной руке, пропустить вторую в отверстие и упереться локтем в шероховатую поверхность верхней плоскости Кольца.

А дальше было легко: балансируя всем телом, протиснуть второе плечо и руку, выбраться на плоскость и... ждать.

Так его учил дед, который не раз «ходил» на Кольцо за элисами. Но это было давно и на другом костяном острове. В его Тубе не было никаких оранжей, только гнёзда элис и множество отверстий-лазов. А что внутри, дед не рассказывал. Почему-то это считалось тайной в их семье.

... Через положенное время Кольцо, начав вращаться, двинулось вверх. Вращалось оно не очень быстро, но постепенно ускоряло ход. И ветер сегодня был сильнее, чем обычно, поэтому держаться за отверстие всё же приходилось. Теперь главное – не пропустить вход в пещеру оранжей, если они существуют. Коса представлял, что должен увидеть что-то подобное лазам в пещеры на Костяном острове – круглый и гладкий вход, отполированный телами. Приходилось всё время всматриваться в черноту стены, ловя на ней отблески света от дрейфующего по небу Угла. Эти странные треугольные конструкции парили в небе вокруг многих Туб, как привязанные к ним невидимой нитью. Они совершали монотонные витки над островами, никогда не меняя скорости. Над Костяным островом веками летал один и тот же Угол, словно огромная птица, обращённая клювом к Тубе.

Если не повезёт и в ближайшие два оборота Кольца не окажется ни одного лаза, где можно будет переждать сутки до следующей ночи, то Коса замёрзнет в оранжевых облаках.

Через 4 оборота стало заметно холодать. Коса забеспокоился всерьёз и решил двигаться по ходу Кольца на четвереньках, чтобы успеть осмотреть как можно больше поверхности Тубы.

Нога наткнулась на что-то мягкое. Это была элиса, еще свежая и совершенно целая. Если суждено будет погибнуть, надо успеть сбросить элису в отверстие Кольца строго над пещерой. Коса хорошо ориентировался даже ночью по Тубам, уходящим в небо по всему горизонту. За свою жизнь он выучил их все наперечёт и поимённо. Люди присваивали каждой Тубе самые разные имена. Были среди них и смешные, например, Сотик-Той, а были и грозные – Громо-Мёт или Буря-Смерч.

Слева над головой блеснул проём, большой, ровный, как коробки пласта, что часто приплывали к берегу. Их часто использовали для складывания вещей, но некоторым нравилось в них спать или плавать возле берега.

Коса вскочил во весь рост и, придерживаясь руками за поверхность Тубы, кинулся к стремительно приближающемуся входу в пещеру. Поскольку Кольцо поднималось, нужно было подгадать момент, когда оно поравняется с входом. Тот уже был точно над головой, но всё равно не допрыгнуть. Коса кинулся в сторону, противоположную движению Кольца, чтобы не отстать от уходящего вправо проёма.

И успел. Запыхавшись, он ухватился за порог и, перебирая ногами, дождался, когда вращающееся Кольцо поднимется настолько, чтобы суметь запрыгнуть в пещеру.

... В глубине гладкого, как коробка пласта, и высокого лаза горел слабый и ровный свет. Он не был похож на мерцающий свет от костра.

Глава 2

Стараясь не издавать звуков и осторожно придерживаясь правой рукой стенки, Коса стал крадучись передвигаться вглубь коридора. Он впервые видел прямоугольную форму, каковым был вход в «пещеру» оранжей. За всю свою жизнь, а ведь прожил уже много – целых 30 лет, он никогда не видел ничего, кроме океана, частокла Туб, уходящих за горизонт, Углов, летающих по оранжевому небу, двух костяных островов, круглого моргающего солнца, чаще скрывающегося за облаками, и луны, такой же моргающей, как и солнце. Кроме того, он знал, что если спокойно идти по острову вдоль стенки Тубы, то за день вернёшься к своей пещере и

можешь сделать еще один круг, если не поранил ноги. А если идти вдоль извилистого берега, то потратишь три, а то и целых пять дней и вновь придёшь туда, откуда отправился.

Ещё ему было известно, что до ближайшего острова люди могут добраться на коробках пласта, связанных друг с другом волосяными верёвками. За полдня. Но на это решаются немногие, потому что, если грести черепком, привязанным к самой длинной человеческой кости из бедра, можно успеть до огненного дождя. Но если сломается лопатка или помешают ветер и волны, то ты погибнешь, пронизанный шипящими красными каплями, а пласт продырявится и утонет вместе с тобой. Поэтому смельчаков находилось мало. Но был и другой способ перебраться к дальним Тубам. Когда Коса думал об этом, сердце начинало бешено колотиться и от волнения захватывало дух...

Коридор шагов через тридцать резко расширился и... Нет. Сначала Коса подумал, что он пришёл, наконец, в саму пещеру, но, присмотревшись внимательнее, понял, что коридор раздваивался и уходил влево и вправо более широкими и высокими проходами. Он заглянул за правый угол и увидел вдоль всего коридора, проложенного дальше и поворачивающего влево, равномерный тусклый свет, излучаемый потолком.

Левый коридор был чёрен как ночь в его родной пещере, когда все угли костра потухнут.

С тех пор, как он вошёл сюда, явственно слышалось обилие звуков, знакомых с самого детства в пещере. Только здесь они были громче и чётче. Гулкое ритмичное уханье, почти совпадающее иногда с дыханием, когда ты спокоен или спишь. Затем более частые, как удары сердца, и более звонкие, но все равно далёкие. Они сливались с множеством свистящих, звенящих, шипящих и одновременно монотонных звуков. Среди них явственно различался удаляющийся свист поднимающегося вверх по Тубе Кольца. Вся эта какофония была привычна и узнаваема. Не было только звука океана, воды и ветра. Лишь ощущалось мягкое движение тёплого воздуха. И непривычные запахи.

Ничего не оставалось делать, как идти дальше. Коса вдруг начал испытывать тревожное чувство. Что там впереди? Захотелось вернуться назад. Но как? Кольцо будет только завтра ночью. А если здесь никого нет? О ночлеге он не беспокоился, улёгся бы прямо на пол. Он ощупывал его и стены руками, пока шёл: тёплые. Значит, не замёрзнет.

Вдоль стены, которой он придерживался, иногда встречались какие-то углубления, небольшие, только чтобы просунуть руку. Некоторые побольше – размером с голову.

Коса невольно примерял их к размеру собственного тела и его частей. Иначе он не привык определять объёмы и размеры.

Величинами измерения были руки, ноги, пальцы, рост. Расстояние, как и время, определялось дыханием, длиной дня и ночи, циклом движения Угла вокруг Тубы, продолжительностью огненного дождя.

«Как там Дари?» – беспокоился Коса. Она не была его женщиной. Свою женщину Лолию он потерял в океане, очень давно... Тяжело об этом вспоминать. А Дари потеряла своего Дарса, брата Косы, совсем недавно, когда он с соседями по восточному берегу острова полез к оранжам. Их нашли на северном берегу острова через два дня. Один, это был Дарс, сорвался с Кольца. Другого, Олеша, порезало ножами-лопатками, и он, истекая кровью, сумел-таки спуститься, но всё же умер уже на берегу. А третьего, Жинку...

Парнишке было 17 лет. Скорее всего он не решился забраться до самого Кольца, спустился раньше. А может, испугался, увидев смерть сорвавшегося на северной стороне Дарса. Или вообще не решился на рискованный подъём и остался ждать внизу. Наверное, всё случилось быстро. Вряд ли Жинка что-то успел понять.

Иногда берег острова, особенно как раз на северной стороне, куда он добрался, следуя за висящим на Кольце товарищем, раскалывается, образуя трещину в толщину, а то и в длину тела. Она тянется узкой щелкой почти от самой стены Тубы и, постепенно расширяясь, уходит в океан. В неё заливается вода, бурлит какое-то время пузырьками воздуха, поднимающегося со

дна, пенится порой так сильно, что шипение раздаётся на весь остров, доходя до клокочущего грохота. А потом... трещина резко закрывается. Она захлопывается, выстреливая высоко в небо стеной пенящейся воды.

Жинка сидел, наверное, у самого берега, когда прямо под ним открылась щель. И он, судорожно хватаясь за края разлома, барахтался в клокочущей пене, которая совсем не держит даже лёгкие предметы, а почему-то топит их. Косе однажды довелось увидеть, как с берега в такой разлом упала коробка пласта, лёгкая, воздушная, но утонула в пене, тяжело ушла на дно, будто была сделана из титаррита.

Титаррит – это пластинчатый материал, из которого, наверное, изготовлены все Тубы, Углы и Кольца. Их осколки падают на поверхность острова и составляют чуть ли не треть его основы. Они выглядят гладкими, как поверхность воды, когда нет ветра, только одна сторона отражает свет, а другая нет. Края их неровные, рваные и иногда очень острые. Если их бросить в океан, они быстро тонут, в то время как кости и черепки крокусов могут какое-то время плавать на поверхности.

Жинке было тяжело держаться за обламывающиеся под руками острые края разлома, откуда тут и там торчали, как бритвы, пластины титаррита. Он изрезал все руки, пока тонул. Но утонуть не успел, трещина сомкнулась, почти не оставив следа. О случившемся напоминал лишь длинный, ломаный рубец на теле Костяного острова. Таких рубцов здесь несколько, и все они расположены совсем рядом друг к другу. Только две окровавленные руки и лопнувшая голова с вылезшими из орбит глазами покоились на буром кровавом пятне прямо на смертоносном шве бывшего разлома в пяти шагах от воды.

...Коса вздрогнул и окаменел от неожиданности. Прямо перед ним неизвестно откуда появился человек. Он неподвижно стоял в десяти шагах и смотрел на Косу. Человек был худ и довольно высок ростом. Редкие волосы на голове стояли торчком. Глубоко посаженные и широко раскрытые глаза рассматривали незваного пришельца. Все тело покрывала тонкая, полупрозрачная материя тёмно-серого цвета. А на стопы были надеты странные предметы.

Однажды люди их острова нашли такой предмет, упавший с неба. В него хорошо входила нога. Биркида, кому принадлежала находка, старик с юго-запада, долго носил её на левой, потому что на правой было неудобно. Всё хвастался, что теперь может ходить по острым пластинам, совсем не повреждая ступни.

Коса оглянулся назад, готовясь бежать. Но тут человек отчётливо произнёс слова, оставившие гостя:

– Ну, наконец-то, хоть один отважился прийти к нам. Ты – Коса, я тебя знаю. Мы часто смотрим на вас сверху. У нас есть устройство, которое позволяет видеть вас всех издалека и даже слышать разговоры, которые вы ведёте между собой. В том числе и о нас, кого называете оранжами.

Человек, похоже, улыбнулся, и Косе показалось, что улыбка была дружелюбной.

– Меня зовут Криптер. Пойдём со мной. Ничего не бойся. Мы ждали... тебя. Нам очень жаль твоих отважных друзей. Очень. Мы видели их смерть. Каждый раз, когда включается ревизер-очистник, мы смотрим в свои панорамы и ждём с трепетной надеждой людей с Муфты, с вашего Костяного острова.

Голос человека по имени Криптер дрогнул, и он вздохнул так, будто испытывал огромное облегчение, встретив Косу...

Глава 3

Дари проснулась с тревожным чувством. Дети ещё спали. Она вышла из пещеры, присела рядом с лазом на ровной, обрабатываемой долгими годами площадке. Посмотрела наверх.

Обвела взглядом всю доступную взору бескрайнюю стену Тубы, потом привстала и долго вглядывалась в бугристую поверхность берега от края до края.

Почувствовав острое щемящее одиночество, Дари побрела вдоль стены, осматривая остров, насколько хватало зрения.

Угол в небе завершал свой оборот и вскоре скрылся за Тубой. Оранжевые облака плыли чуть выше, чем обычно. Бывает, они пушистой дымкой стоят прямо над головой, тогда Угол просматривается сквозь них только смутной черной тенью.

Солнце на востоке только-только должно было выглянуть из-за горизонта и моргнуть свой первый раз. Наверное, будет солнечный день. За день солнце моргало много. Старые люди говорили, что когда-то солнце светило непрерывно в течение всего дня. Как такое может быть? Оно всегда моргает. И луна моргает, но намного чаще и быстрее. Грамотные люди с других островов знают точно по количеству морганий, когда придёт зима и сменит лето. А по отдельным кучкам звёзд определяют судьбу человека. Иногда Дари казалось, что высоко в небе, помимо солнца, луны и звёзд, есть какая-то большая продырявленная пластина. Кажется, она видела это в детских снах.

Дари шла всё уверенней и быстрее. Она точно помнила место, куда отправился Коса, чтобы взобраться на Тубу. Там самая высокая точка острова, а значит предстоит меньше трудиться, чтобы добраться до Кольца.

...Уже второе моргание солнца должно было вот-вот наступить, а женщина всё шла. Она начала почти бежать по мере приближения к цели. Ноги не ранились, тропа была хоженная, хорошо утоптанная, свежих пластин почти не встречалось. Дети должны были вот-вот проснуться, но Дари это не сильно беспокоило. Она предупредила с вечера самого старшего мальчика Юдина, что может утром уйти за элисами. Поэтому сейчас, чтобы не обмануть детей, она пристально оглядывала округу в надежде найти хоть одну палую птицу, только бы её не успели сожрать тараканы. Правда, они не каждую ночь появляются из своих нор, а днём их вообще никогда не увидишь.

Запахавшись только на самом подъёме, Дари добежала до места, остановилась на взгорке и всмотрелась в поверхность стены.

Да, всё точно, Коса начал своё восхождение здесь. Вот его следы, в эту щель он вставил ногу, а вот тут на гладкой внутренней поверхности неглубокой выщербины даже видны следы мучнистой костной пыли, которую Коса заранее намолот и заполнил ею мешочек на поясе. Это чтобы макать в него пальцы, тогда они меньше скользят.

Дари облегчённо вздохнула, вглядываясь ввысь. Вон где-то там он мог взобраться на Кольцо. Ей даже показалось, что виден извилистый след от его тела, прижимавшегося ночью к полированной, но все же чуть пыльной поверхности Тубы.

...Элисы ни одной она так и не нашла и вернулась к пещере, где у входа на площадке её радостно встретили всей оравой детишки. Они больше радовались возвращению Дари, своей мамы, а не её маловероятной добыче. Только Зина являлась родной дочерью Дари и погибшего Дарса. Остальные трое мальчиков были чужими детьми, соседей с Кривого Обрыва. Там когда-то жила большая семья. Однако так случилось, что часть взрослых отправилась в дальнее плавание к южной Тубе по имени Тагар-Бакон, где поговаривали, обитало большое племя. А другая часть, одержимая оранжевым небом, постепенно сама себя извела. Люди погибли, кто сорвавшись с Кольца, кто навсегда исчезнув в облаках. Не успевая найти входа в пещеру оранжей, некоторые несчастные уносились ввысь, где нечем дышать и смертельный холод останавливает сердце. Иногда по лающему крику огромных стай цыпсов, гадких хищных птиц-трупоедов, кружащих над и под Кольцом, снующих через отверстия в нём, можно было догадаться, что за добычу они там нашли. А падающие затем человеческие обглоданные кости только подтверждали догадки.

Иногда Дари задумывалась: почему люди так расточительны по отношению к своим жизням? В год на всём Костяном острове погибает около двадцати человек в походе за элисами или оранжами. Конечно, население острова большое – около пяти тысяч. На свет появляется очень много детей. Каждая женщина за свою жизнь успевает родить от восьми до пятнадцати ребятешек, чаще мальчиков. Из них выживает половина. Так что прирост населения острова большой. Вот потому и не ценят свои жизни взрослые.

Вечный зов предков гонит их в океан и на Тубы. Их гонят вопросы, на которые нет ответов. Из поколения в поколение передаются загадочные легенды о могуществе предков, переселившихся когда-то на небо, построивших Тубы и сделавших солнце моргающим. Почему они оставили на жалких костных островках своих потомков? Почему не забрали их с собой? Потеряли? Или не все захотели уйти в небеса? А ещё есть легенды, что часть предков отправилась на дно океана. Изредка светящиеся то тут, то там зарева над поверхностью воды доказывают, что жизнь есть и в глубинах волн. Некоторые люди видят иногда, как из воды поднимаются в небо огромные диски, а потом опускаются обратно. А по их бокам светятся круглые лазы в пещеры предков. Так ли это? Или люди настолько хотят верить в чудо, что свои выдумки выдают за действительность?

Но легенды живут в умах, слухи об оранжах бережат души, а летающие Углы кидают в океан таинственные предметы. Вопросы требуют ответов и гонят людей прочь со своих островов. А ещё говорят, что где-то далеко есть очень большие острова, там растут высокие зелёные водоросли, дающие съедобные плоды. Когда-то, если верить легендам, вся земля была покрыта гигантскими островами, заросшими очень питательными водорослями. А люди жили в огромных коробках, сделанных из пласта и титаррита. Их жилища были больше, чем сами Тубы! А по Тубам они взбирались на специальных Кольцах в свои пещеры.

Легенды, легенды. Но у людей были ещё сны. Особые сны. Их называли фильмами. Ребёнок начинает видеть фильмы с 5-6-летнего возраста. Так дети усваивают знания. Они учатся считать, писать, лечить и пользоваться сложными предметами. Но, к сожалению, взрослея, большинство людей забывает фильмы. Однако некоторые сохраняют память надолго и рассказывают удивительные вещи. Только рассказывают не всегда, а если и делают это, то очень неохотно, будто стыдясь чего-то.

Вот и Дари была одна из немногих, кто хорошо помнил часть своих фильмов. Они назывались учебными...

Глава 4

Она никогда ни с кем не делилась своими сказочными снами-фильмами. Почему? Самой Дари казалось, что фильмы – вещи очень интимные, предназначенные только конкретному человеку, и даны от предков как откровение. Некоторые женщины, совсем немногие, правда, любят открыто рассказывать о своих любовных грёзах, о ласках мужчин, о том, как бы они хотели это делать, как это происходит с разными партнёрами, во всех подробностях... Дари осуждала их, ей всегда было стыдно присутствовать при таких разговорах, и она уходила. Зачем делиться с людьми самым сокровенным, касающимся только тебя и твоего любимого мужчины? Вот так же и с фильмами.

Они всегда начинались с яркой, красочной сцены, для каждого фильма своей. Сцена сопровождалась музыкой (это такое сочетание звуков, когда они складываются в красивую для слуха гармонию) и голосом, который обращался к тебе. Он называл твоё имя, номер и название учебного фильма. Голос приятный, но странный – ни мужской, ни женский. Потом надо было «сосредоточиться» и внимательно смотреть фильм. Это было всегда приятно: и «сосредоточиваться», и смотреть. «Сосредоточивание» вызывало очень сладкую истому во всём теле, её можно было испытать только во время фильма. Много позже, когда Дари стала старше и встре-

тила своего первого и пока последнего мужчину, она поняла, на что была похожа та истома – на ласки Дарса.

А потом начинался фильм. Особенно запомнился один из них. Он назывался «Развитие популяции Хомо сапиенс планеты Земля. Часть №3, XX-XXV века» и изобилует множеством экскурсий, экспонатов, операций и демонстраций работы сложных устройств. Дари так нравились эти слова. Таинственных слов было ещё очень много, люди Костяного острова никогда не произносили их. А про себя она с самого детства часто их повторяла, слагала из них красивые комбинации, и это тоже было очень приятно, как и «сосредотачивание» во время фильма.

...Столетиями людям при рождении имплантировались в мозг нанофроберы – устройства, усиливающие естественные свойства мозга. Ускорялось развитие и обучение. Человек к десяти годам уже становился полноправным членом общества и мог выполнять самые сложные интеллектуальные задачи. К концу XXI века нанофроберы и их последнее поколение – нанорепликаторы, введённые в кровь, рассеивались с её током по всему организму и встраивались на клеточном уровне в зависимости от конкретных программ в различные участки мозга, железы внутренней секреции и органы чувств. Клетка вступала в симбиоз с нано-рибосомным роботом, перестраивалась и была способна передавать при делении новым клеткам вместе с хромосомным набором и встроенную нанопрограмму. Изменённый генетический код клетки содержал дополнительный фрагмент цепочек РНК и ДНК, несущий в себе программу нанофроберов. Таким образом, за триста лет использования этих революционных нанотехнологий появился фактически новый подвид Хомо сапиенс, человек-фроб. Люди-фробы передавали своим детям модифицированный геном. Однако имплантация нанорепликаторов некоторое время была ещё необходима. Но нужда в них постепенно отпала. Новый набор усовершенствованных хромосом наследовался практически в ста процентах случаев.

Люди-фробы составляли 80 процентов населения планеты. При всём своём превосходстве над обычным человеком они имели ряд неприятных дефектов, если их можно назвать таковыми. Продолжительность жизни несколько укорачивалась. К восьмидесяти годам (а срок жизни человека в то время достигал двух веков, и обычные люди сохраняли работоспособность до 120-150 лет) начинал утрачиваться интеллект. Мозг изнашивался раньше отведённого ему времени. Так называемая фробиндуцированная деменция¹ имела необратимый характер, но учёные нашли выход.

Искусственные, высокоинтеллектуальные устройства вживлялись в организм и постепенно подменяли функции стареющего мозга. Источники питания для них были практически вечными, черпая энергию от света, а основа, из которой изготавливались основные узлы, имела биологическое происхождение и содержалась за счёт естественной биохимии организма.

Это был прорыв. По сути, появилось первое поколение биокибернетических людей. Оставалось решить проблему со старением тканей. Кибергенная инженерия быстро справилась с задачей. Модифицированные, трансгенные стволовые клетки использовались уже давно. Однако встроенный природой естественный хронометр всё-таки упорно отсчитывал положенный срок и клетки переставали делиться, а, следовательно, организм старел...

Отдельные органы, системы (эндокринная, пищеварительная, кроветворная) и костно-суставной аппарат успешно заменялись на искусственные. Но вот с мозгом было сложнее. Очередную победу человечество отпраздновало, когда функции спинного мозга взяло на себя так называемое электронное хордовое образование, подключаемое к головному мозгу и даже не требующее удаления естественного спинного мозга. Выглядело оно как тонкий нитевидный, но невероятно прочный жгут, вживляемый вдоль позвоночного столба.

¹ Деменция – старческое слабоумие.

А ещё через некоторое время были разработаны искусственные узлы, заменяющие большинство важнейших участков головного мозга, включая кору больших полушарий.

Таких людей называли Операторами (Homo sapiens Operator). В большинстве своём ими становились добровольцы, бравшие на себя обязательства решать задачи, непосильные людям-фробам.

Они управляли сложнейшими технологическими процессами, то есть были запрограммированы и специально обучены для выполнения узко специфических задач. Зачастую они пожизненно оказывались привязаны к тому или иному высокотехнологическому узлу или системе и фактически становились их заложниками, а порой и неотъемлемой составной частью.

Конфликтов между людьми и Операторами не было и не могло быть. Человечество к тому времени было крайне дисциплинированным обществом, жёстко прагматичным, но при этом имеющим свои непоколебимые нравственные устои, передающиеся вместе с генетической программой уже в момент зачатия.

Глава 5

Криптер приглашающим жестом поманил Косу за собой, повернулся и двинулся вглубь коридора. Шли молча. Несмотря на очевидное дружелюбие оранжа, тревога не покидала человека с Костяного острова. Он всё озирался по сторонам и оглядывался назад. Несколько раз были резкие повороты, коридор петлял.

Криптер ни с того ни с сего остановился, оглянулся на робко плетущегося сзади гостя и сказал:

– Мы пришли. Только ничему не удивляйся. Тебе предстоит узнать много нового... Не смотри по сторонам, здесь только на первый взгляд нет входов, или лазов, по-вашему. Мы уже прошли множество дверей, которых ты даже не заметил.

Коса наблюдал за вытянутой рукой Криптера, указывающей на гладкую левую стенку коридора. Хозяин приблизился к ней и лёгким хлопком шлёпнул по стене. Зазиял такой же прямоугольный проём, как и тот, через который Коса пробрался в Тубу. Было непонятно, как он образовался.

– Идём, не бойся, – позвал Криптер и вошёл в проём. Внутри горел довольно яркий свет, и Коса осторожно перешагнул невидимый порог. Чуть пройдя внутрь, он почувствовал слабое дуновение ветра за спиной и резко оглянулся – проёма не было, вместо него образовалась ровная стена.

– Дверь сама закрывается, когда человек проходит внутрь. А чтобы её вновь открыть, нужно легонько шлёпнуть по стене ладошкой. Попробуй.

Коса всегда считал себя смелым и решительным. Тем более оранж так испытующе наблюдал за ним.

Нисколько не дрогнув, гость сначала коснулся ладонью стены: она была шероховатая и неподвижная, твёрдая и чуть тёплая. Потом отнял руку и быстро приставил её вновь к тому же месту. Получился хлопок, и стена будто растворилась, обнаружив дверь, а за ней все тот же, уже знакомый коридор. Теперь Коса уяснил, что означает это слово – «дверь». Ему даже показалось, что он когда-то слышал его и знал значение.

Повернувшись к Криптеру и увидев его удовлетворённое лицо, Коса не сдержал улыбки, понимая, что прошёл первое испытание успешно.

Оба человека сделали ещё несколько шагов и оказались в большой пещере непривычной формы, где могло уместиться двадцать, а то и тридцать человек. В стенах его, вертикальных, как стены Туб, висели различные предметы, о назначении которых невозможно было догадаться, но какие-то ассоциации они всё же вызывали. По краям, примыкая к стенам, на неко-

тором расстоянии от пола тянулись толстые трубы жёлтого цвета (слово «труба» словно само всплыло из подсознания)...

– Это мой рабочий кабинет. Сейчас сюда придут мои друзья, я тебя с ними познакомлю.

Криптер подошёл к одному из таинственных предметов, висевшему на стене и похожему на ладонь человека, снял его, поднёс к губам и после щелчка, раздавшегося прямо из «ладони», сказал в него:

– Ронда, возьми всех, кто на месте, и идёте знакомиться с долгожданным гостем.

Повесив «ладонь» на место, Криптер пояснил, что это «коммутаторная» или «телефонная связь», что таким образом его люди общаются друг с другом, если находятся вне видимости. А ещё у них есть «панорамы» и «видеофоны», с помощью которых можно не только разговаривать, но и смотреть на собеседника, находить его в пространстве, невзирая на расстояния, и слышать далёкие звуки. Но, к сожалению, они работают только внутри Тубы.

Откуда-то со стороны коридора, наверное, через ту же дверь, в рабочий кабинет вошли шестеро несколько запыхавшихся от быстрой ходьбы или даже бега оранжей. Впрочем, Коса уловил смысл слов Криптера в самом начале их встречи, из которых следовало, что так зовут их только люди с костяных островов. Тогда кто они в действительности и как называют сами себя?

– Я Ронда, – протянула вперёд две руки красивая девушка с голубыми глазами, длинными пушистыми ресницами, светлыми, почти белыми, коротко обрезанными волосами. Изящная шея, округлые плечи, аккуратная, не очень большая грудь, тонкая талия, крутые бёдра и длинные ноги в красивых плетёных украшениях на стопах (или это тоже предметы для того, чтобы не ранить ноги?). Девушка была настолько красива в понимании Косы, что дыхание его спёрло и сладко засосало внизу живота. Лёгкая полупрозрачная сетчатая материя, такая же, как у Криптера, только голубого цвета, почти не скрывала тела, а напротив, украшала его и делала очень соблазнительным...

– Я Ронда, – повторила девушка, не опуская рук, и сделала шаг навстречу Косе. Тот не знал, как отвечать, что делать с её руками, так настойчиво тянувшимися к нему. Может, он поступал глупо, но жест девушки решил повторить сам, и его пальцы коснулись её рук. Ронда широко улыбнулась, обнажая красивые ровные белые зубы, взяла ладони Косы в свои ладони и притянула его к себе так близко, что стало слышно её ароматное дыхание. Влажные большие глаза лучились каким-то детским ликованием и озорством.

У Косы ноги стали ватными, во рту пересохло, пытаться что-то сказать, хотя бы выдать собственное имя, было для него сейчас неразрешимой задачей. Он чувствовал себя беспомощным. Такого конфуза Коса не испытывал ни разу в жизни. Ему всегда казалось, что женщины оранжей некрасивы, толсты и больны какими-то невыносимыми болезнями. Что всё их племя состоит из немощных, заживевших от обилия вкусной и неядовитой пищи, безделья и вечного сидения в своих пещерах. Что мужчины, не знающие подводной охоты на киссов и протомедов, никогда не роющие новых пещер пластинами титаррита, врезающихся в ладони, не бегающие по острым, колющим ноги островам, не взбирающиеся, рискуя жизнью, на Тубы, не плавающие на коробках пласта по океану, не уворачивающиеся от первых раскалённых капель огненных дождей – уродливые, дряхлые и грязные от отсутствия воды. Что все оранжи только и живут ожиданием, когда их вымирающее племя спасёт отважный мужчина с острова, оплодотворив детородных женщин, или поможет им перебраться на остров...

Ронда обняла Косу и коснулась своими губами его щеки. Она поцеловала его! Не сказать, что женщины его родного острова так уж целомудренны, но поцеловать незнакомого, чужого мужчину означает только одно: «я одинока, я хочу быть твоей». Коса поймал себя на том, что изо всех сил будет надеяться – законы морали оранжей такие же, как и у них.

И тут Косу будто подменили. Он ответил девушке нежным объятием, опустив руки поближе к талии, почувствовав под тонкой материей упругость тела, поцеловал её тоже в щеку и на ухо полусёпотом сказал:

– А меня зовут Коса, или Коссантин. Мне очень приятно познакомиться с тобой. Я хочу, чтобы знакомство наше было долгим.

Он хотел сказать ещё много чего приятного, но, опасаясь показаться грубым и излишне назойливым, внезапно замолчал. Отстранившись и улыбнувшись Ронде как можно ласковее, он резко повернулся к остальным вошедшим и, радостно протягивая каждому обе руки, по очереди обнял всех. Это были только мужчины, потому от поцелуев он подсознательно отказался и представился: «Коса, человек с Костяного острова». Несколько опешившие оранжи, видимо между мужчинами практиковались иные ритуалы приветствия, тем не менее поочередно представились: Персий, Лигтер, Кронций, Бритис и Магнус. Все они были одеты почти так же, как Криптер – мелкосетчатая накидка, покрывающая тело, и странные предметы на ногах, причём все разные. Видимо, обратив внимание на то, с каким любопытством Коса разглядывает ноги присутствующих, Криптер пояснил:

– Это обувь. У Ронды обувь называется сандалии, а у нас, мужчин – тапки. Обувь защищает ноги от грязи, пыли, острых предметов, горячих полов. В некоторых помещениях и переходах бывают настолько горячие полы, что босиком не выдержишь температуры, можно получить ожог.

Коса задрал левую ногу, легко вывернул стопу без помощи рук и продемонстрировал всем огромный выпуклый рубец, покрытый мозолью.

– Это я в юности наступил на шипящую каплю огненного дождя. Она закатилась прямо в лаз пещеры, а я хотел её вытолкнуть ногой прочь... Если бы мы имели обувь, такого бы не произошло.

– Правильно, Коса. У нас есть специальная термостойкая обувь и даже одежда, в которых не страшен никакой огненный дождь. Правда, мы называем это явление природы лудильным конденсатом... – начал пояснение Магнус, но его оборвала Ронда:

– Про конденсат и прочие атмосферные явления, связанные с деятельностью Хозяев, мы ещё расскажем. Тебе надо поесть, Коса, отдохнуть, и, возможно, ты хочешь помыться, – скорее утвердительно постановила красавица Ронда, чем задала вопрос, и продолжила:

– Сейчас я провожу тебя в санационный узел, а потом в столовую.

Мужчины стояли полукругом, только Криптер всё это время сидел на жёлтой трубе, будто и предназначавшейся для сидения: она мягко промялась под человеком удобной ложбинкой. Вид у него был несколько усталым. Он поймал на себе взгляд Косы, улыбнулся, помахал рукой и сказал:

– Не обращай внимания, друг, я просто всю ночь не спал, дежурил за панорамой, пытаюсь наблюдать за тобой. Ночью панорамы почти не работают. Ступай с Рондой. Только не обижай девочку. Она очень славная и... ждала тебя. Ступай.

Глава 6

...Коса мылся под тонкими струями тёплой чистой и пресной(!) воды, льющейся из полусферы, выступающей из стены под потолком небольшого помещеньца с белыми стенами и торчащей из самого угла короткой ручкой «ползунка», так назвала этот предмет Ронда. Движением вверх или вниз открывался и регулировался поток воды, а поворотом влево или вправо достигалась необходимая температура душа. Это слово Коса тоже сегодня услышал впервые. Лёгким пружинящим нажатием рукоятки ползунка, который при этом издавал характерный скрипучий звук, в воду добавлялось «мыло», вещество, способствующее удалению грязи и пота. Мыло пахло очень приятно, и его хотелось глотать вместе с водой, но Ронда строго запретила это делать.

Коса пил воду и не мог напиться. Он с сожалением наблюдал, как вода исчезала в отверстии пола. Заворачивалась в весёлую воронку и исчезала. «Наверное, в океан», – подумал Коса.

Пока он мылся и наслаждался обилием пресной воды, в голову лезли грустные мысли о Дари. Как она, наверное, волнуется, ожидая его возвращения. А ещё эта вода... Они добывали её из конденсата в специальных отсеках пещер с помощью хитроумных конструкций из тонких трубчатых косточек и воронкообразных черепков, подвешенных к потолку: там накапливалась живительная влага.

А ещё в качестве питьевой и, одновременно, очень питательной жидкости использовали вакуольный нектар. Коса не знал, откуда этот термин. В самой глубокой точке каждой пещеры предки годами буравили костяными трубками отверстия, скважины и достигали какого-то мягкого слоя наподобие кожи. После его прокола откуда-то из глубин острова пульсирующими толчками поднималась светло-жёлтая жидкость и скапливалась в углублении воронкообразного колодчика. Отсюда и забирали её женщины для того, чтобы поить всё семейство. Жидкость была сладковато-солонатовой, немного тёплой и очень приятной на вкус. Ею можно было не только утолить жажду, но даже и насытиться. Правда не всегда нектар поступал в достатке, чтобы накормить и напоить всех. Поэтому он считался чуть ли не священным. Вакуольную камеру, тот отсек пещеры, где был обустроен источник нектара, содержали в идеальной чистоте. Допускался в неё только один человек из семьи, как правило, это была молодая женщина или девочка. Дело в том, что иногда вакуольного нектара выплёскивалось из скважины так много, что заливалось дно камеры. Тогда приходилось всё тщательно замывать, используя океаническую воду и сухие мочалки из прибрежных нитевидных водорослей. Хранить нектар не удавалось, он попросту протухал, становился отвратительным на вкус и ядовитым...

Когда Коса помылся, он вышел из душевой кабины, как назвала этот отсек помещения Ронда, в просторную белую комнату, взял с жёлтой трубы, тянущейся и здесь вдоль стен, тёмно-серую сетчатую одежду. Как много новых слов приходилось запоминать, но почему-то Косе это давалось легко. Он повертел чистую одежду в руках, понюхал её. Пахла она приятно, хотя запах был незнаком. Потом посмотрел на свою грязную волосяную набедренную повязку, лежащую на полу, и откинул в дальний угол ногой. Сначала он хотел её постирать, но, подумав, решил отложить это привычное для него занятие на потом. Выбросить повязку он не решился бы. Тут были волосы его умершей матери, сестры и даже Дари.

Долго примеривая на себя новую одежду и не испытывая никакого комфорта, свернул её полужгутом и повязал на бёдра, как привык.

В «столовой» ждала не только Ронда, но и знакомые уже друзья. А кроме них здесь присутствовало ещё около 10 человек, не похожих друг на друга, и молодых, и стареющих. Были среди них две женщины среднего возраста и одна старуха с седыми, короткими волосами и очень подвижным морщинистым, но добрым лицом. Глаза её были живыми, блестящими и лучистыми, а своей манерой разговаривать, жестикулировать и вообще двигаться пожилая женщина располагала к себе. Две другие не были так красивы, как Ронда, но тоже довольно привлекательны. Все сидящие за большим столом дружно улыбались Косе, и никто, казалось, не обращал внимания на его решение использовать одежду в качестве набедренной повязки. Они наперебой стали представляться. Вряд ли Коса успел бы всех запомнить в этом гомоне, но помогла Ронда:

– У нашего гостя будет ещё время узнать каждого поближе и познакомиться с ним. Так что, Коса, садись рядом со мной, вот тут.

Она указала на свободное место возле себя. Длинный прямоугольный стол, сделанный из неизвестного материала, опирался на одну толстую ножку под самым центром стола. А по окружности стол опоясывало кольцо все из той же жёлтой трубы, но большего диаметра. Едва ли её можно было обхватить двумя руками. Все сидели на этой трубе. Коса устроился на приготовленном для него месте и удивился, как удобно просел под ним упругий пористый материал трубы. Соседство Ронды вновь всколыхнуло в диком человеке приятное чувство и заставило трепетать сердце. Он так и подумал о себе – дикий человек. Никогда раньше он не использо-

вал, а возможно, и не знал этого слова «дикий». Может, случайно услышал здесь? Но когда? И вообще, ему начало казаться, что он знает больше, чем представлял себе, живя на острове. Промелькнула мысль, что вся его жизнь «внизу» приснилась, а сейчас он просыпается. Только беспокойные мысли о Дари не отпускали ни на миг.

На столе стояли – Ронда активно разъясняла назначение каждого предмета – котелки, миски, чашки и блюда. Рядом с его миской лежала ложка. Коса видел, как ею пользовались другие, и успешно стал повторять движения. Взял ложку в правую руку, зачерпнул из миски рыхлую, ароматно пахнущую кашу и попробовал на вкус. Краем глаза он заметил, как все украдкой наблюдают за ним. Покатав во рту приятную на вкус пищу, Коса проглотил её. Внезапный голод приступом подкатил к желудку, и, уже ни о чём не думая, кроме как о еде, дикий человек стал оправдывать это новое слово под общее беззлобное веселье всей компании. Он жадно ел кашу, орудуя и ложкой, и левой рукой (почему она должна отдыхать?!). Ронда звонко смеялась, стараясь поначалу сдерживаться, но потом, видя реакцию Косы, весело поглядывающего на неё по мере насыщения, уже не могла удержаться от весёлого хохота. Сидящие поодаль Криптер и старуха пытались унять её, пристыдить, но результата было мало. Наконец, когда Коса утолил первый приступ голода, он остепенился и почувствовал себя несколько сконфуженно. Успокоилась и Ронда.

– Не ешь слишком много, лучше попей кисель. А то с непривычки плохо будет. Так бывает, я знаю, – сказала она и заботливо поднесла к его рту чашку с киселём, оказавшимся сладким и очень вкусным напитком, не таким, как вакуольный нектар, но всё же.

– Я тоже знаю, Ронда, – напившись киселя, сказал Коса. – После долгих дней и ночей, проводимых мужчинами в охотничьих пещерах, когда в волосяных сетях наконец запутается крупный кисс, многие тоже объедаются с голоду так, что даже умирают.

– Они умирают не от переедания, Коса, – впервые заговорила старуха. – Мясо киссов очень ядовито сырое, и даже долгая термическая обработка на открытом огне, как делаете вы, не выводит всех ядов. Поэтому вы и травитесь. Киссы по-настоящему пригодны в пищу после долгого кипячения и последующего обжаривания.

– Бабушка Саффа, у них нет в достатке пресной воды, чтобы варить пищу, – обратилась к старухе Ронда.

– Знаю, потому и настаиваю наладить посылочный тракт.

Все как-то разом затихли, поглядывая на бабушку Саффу и Криптера. Только сейчас Коса заметил, что из всех присутствующих самыми старыми были именно они. Криптер, показавшийся сначала человеком без возраста, оказывается, был уже довольно стар. По трудно уловимым признакам: глазам, цвету кожи, морщинам на подбородке, даже на ушах, пигментным пятнам на голове и руках – было ясно, что ему было немало лет. Коса никогда в жизни не видел таких старых мужчин.

На островах мужчины жили мало. От силы до 50 лет. И умирали, если не погибали от несчастного случая, почти не болея, а просто не просыпались или падали замертво на охоте. Говорят, сердце отрабатывает свой срок, своё заданное природой количество ударов. А вот женщины на островах – долгожители. Они порой достигают и 180, и даже 200-летнего возраста, а рожают детей до 60-70 лет. Поэтому, если у мужчины за всю его жизнь бывает только одна женщина – фема, то есть принадлежащая конкретному мужчине и дарящая только ему их общих детей, то у женщины могло быть очень много спутников жизни. Мужчина, верный своей женщине, назывался маск. Коса уже однажды был маском Лолии, а у Дари был любимый и единственный маск – Дарс, и тот погиб в свои 26 лет. Почему у них так и не было больше детей, кроме Зины? Говорят, мужчины могут терять своё семя, если часто употребляют бурую нить – глубокоководные водоросли, растущие на северном берегу острова, которые вызывают некоторый приятный дурман. Племя осуждает мужчин, увлекающихся бурой нитью, поэтому пристрастившиеся к ней скрывают свой нехороший порок. Но Коса кое-что знал. Ведь они с

Дарсом были родными братьями. Перед последним походом на Кольцо у них случился неприятный разговор.

– Коса, ты не пойдешь с нами, ты останешься с Дари. Если я погибну, стань её маском, она будет тебе верной фемой, нарожает тебе ещё много мальчиков и девочек. Хоть Зине не будет так обидно.

– Нет, Дарс, я более сильный, ловкий и выносливый, чем ты. Пойду один, в крайнем случае с Олешем, он бывалый охотник...

– Слушай меня, брат, и не спорь. Ты знаешь о моём увлечении этой дрянью, – Коса понимающе кивнул и опустил глаза. – Так вот, я думаю, у меня не может быть больше детей, и отвязаться от бурнито не могу. Я решил так – если вернусь живым и с хорошими новостями...

Коса вновь понимающе кивнул, он знал, что подразумевает Дарс под «хорошими новостями»: по слухам оранжи лечат такие болезни – и бесплодность семени, и злое пристрастие к бурой нити. А брат продолжал:

– Даже если я не встречу никаких оранжей, а просто вернусь – я клянусь тебе, что откажусь от своей плохой привычки, и если ещё год у меня не будет детей, я отдам тебе в фемы свою Дари.

Коса с удивлением и возмущением поднял на брата глаза, но тот с непреклонным и не терпящим возражений видом упрямо продолжал:

– Я знаю, что Дари давно любит тебя. Я знаю. Она сама признавалась мне в этом, и я не осудил её. Ты мой любимый брат, и все, кто любят тебя, не могут вызвать во мне неприятных чувств. Я признаю, что ты всегда был лучшим среди нас. Тебя есть за что любить. А мне себя любить не за что. А значит и Дари...

Дарс замолчал. По тому, как он смотрел куда-то вдаль и зло играл желваками, Коса понял, что спорить, возражать или перечить бессмысленно.

– Хорошо, – сказал он, – пусть будет так. Но знай, если с тобой случится непоправимое, Дари мне как сестра, и если я попытаюсь исполнить твоё желание, то это может случиться не сразу. Мне будет нелегко. Знай. И иди. Я не буду тебя останавливать.

Братья обнялись и долго гладили друг друга по спинам, думая каждый о своём...

Глава 7

День подходил к концу. Дари посмотрела на небо. Угол делал свой очередной вираж вокруг Тубы. Матовая тёмная поверхность не отражала никакого света: ни солнечного, ни лунного. Дальние Тубы не все имели Углы. Считалось, где их нет, на тех островах нет и людей, а может, нет и островов. За горизонтом их и не увидишь. Основания исполинских столбов прятались за выпуклостью океана вместе со своими островами. Ведь Земля была круглая, это известно всем с рождения. У ближайшей Тубы был и Угол, и высокий, очень высокий, с крутыми склонами остров, и племя, населявшее его. Коса с его братом Дарсом родились на нём. Каждое племя носило имя Тубы. Так вот их Туба, как и племя, называлось Атолл-Мышь. Кто, когда и почему назвал его так – неизвестно.

Дедушка братьев был известным кольцеходом. Как он умудрялся множество раз подниматься на Кольцо, возвращаться живым, да ещё с добычей? Это он первым приручил элис, которые вскоре заполнили весь остров, и в каждой семье были целые выводки по 20-30, а то и по 50 голов. Да, их так и называли, этих элис, головами. Такие смешные. Им обрезали крылья, чтобы не улетали, после этого они походили на пушистую, приплюснутую сверху и снизу, голову с близко посаженными, сильно выступающими вперёд и всегда удивлёнными глазами, похожими на человеческие. И вечно улыбающийся рот до ушей. Только самих ушей не было. Однако стоило им раскрыть свой милый ротик, он превращался в огромную пасть с мелкими и частыми зубами. Когда разделявали мёртвую элису, поступали очень просто: раскрывали пасть

до тех пор, пока зубастые челюсти не смыкались позади головы. Никаких препятствий при этом не возникало. Потом отслаивали плоть, начиная от зубов верхней челюсти и – до нижней. Выдергивали всё тельце, оставалась только шкурка, вывернутая наизнанку. Её выбрасывали, поскольку она быстро разлагалась, и ни к чему полезному приспособить её было нельзя. Тельце не потрошили. Оно представляло собой сплошную утробу, из которой извлекали недавно съеденных элис, если таковые там имелись, и жарили на углях. Дело в том, что элисы – каннибалы. Они питаются только своими собратьями. Однако плодятся с такой скоростью, что успевают производить на свет не только своё потомство, но и пищу для себя. Удивительно то, что элисы никогда не поедают молодых и здоровых. Только старых, больных и неплодоносящих. Как они это определяют? Неизвестно. Но люди, содержащие большие семейства элис, обратили внимание на такую непреложную закономерность. И еще было замечено, что больше трех-четырех собратьев за всю свою 5-летнюю жизнь одна элиса не съедает. Как она обходится без пищи все остальное время? Разгадка скрывается в их глазах. У мёртвой элисы глаза светятся в темноте, и довольно ярко. Они никогда не портятся и излучают свет по несколько лет. Их десятками нанизывают на волосяные верёвки и гирляндами развешивают в пещерах. Света хватает, чтобы рукодельничать по ночам и выполнять работу с очень мелкими вещами, например, вить нитки и сплести накидки, повязки, сети. Так вот, люди догадались, что глаза элис усваивали солнечный свет и использовали энергию солнца для поддержания жизни. Они питались солнцем!

Обо всем этом Дари знала от своего маска и его брата, а также от некоторых семей, чудом перебравшихся на их Костяной остров. Кстати, и у него было название – Муфт-Опой. Тоже ни о чём не говорящее название. Да оно и не употреблялось среди его жителей. Просто остров. Иногда – Костяной остров.

Пока Дари размышляла о тайнах двух островов и их названий, она чинила старую рваную охотничью сеть, аккуратно отсекая титарритовой бритвой отдельные волосы из своей роскошной шевелюры. Из-за холма приближались Ока и Порк, парочка из соседней пещеры. У Оки было 14 детей, Порк был её третий мужчина, молодой, 19 лет от роду. С ними ещё жили две сестры Порка, 15 и 14 лет, старые девственницы. Обычно женщины начинали рожать с 11 лет. Но эти были какие-то странные. Мужчин к себе не подпускали, выжидали что ли чего? Одна, правда, младшая, поговаривали, была влюблена в Косу, и Дари это не очень нравилось...

– Отведи дождь! – выкрикнул приветствие приближающийся Порк.

– Отведёт! – сухо откликнулась Дари и оторвалась от занятия. Дети резвились на берегу, у самой воды. За них можно было не волноваться, в воду не полезут, разломов тут не бывает, дождь ещё не скоро. Наконец приковыляла и Ока, чуть располневшая в последнее время – ждала очередного приплода.

– Отведи! – буркнула она и плюхнулась на площадку. Дари только кивнула. – Слушай-ка, девица, мой маскунёк-то, – она ласково посмотрела на Порка, – на Кольцо собрался. Люди говорят, твой-то до оранжей дошёл! И этот туда же собрался.

– Ему-то зачем?

– Пора, говорит, взрослый уже, дитёнка вон сделал одного, – Ока погладила по животу, – и считает, что право получил на смерть идти. Он, видишь ли, фильм кой-какой запомнил.

Дари напряглась, Ока чуть заметно стусевалась, а Порк будто ничего не слышал, пошёл к детям, окликнув на ходу: «Зина! Отведи дождь, дядя Порк идёт к вам! Ну-ка, мальчики, покажитесь-ка мне».

– Какой? – перешла почти на шёпот Дари. Женщины одновременно чуть подались навстречу друг к другу.

– Он бы мне не признался никогда, но вот весть недавняя о смерти твоего Дарса... Точнее, друга его, Жинки. В разломе.

Видно было, что женщина колебалась. Дари начала злиться: ну раз пришла, так не тяни жилы, выкладывай, что знаешь.

– Да я бы и не поверила, только... сама этот фильм помню. Стыд-то какой... – Ока закрыла лицо ладонями, собираясь с духом.

Дари понимала состояние этой, в общем-то, еще не старой женщины (всего-то 67 лет), обладающей твёрдыми жизненными принципами и высокой нравственностью. Признаться постороннему не просто в том, что учебные фильмы помнишь, а ещё и содержание излагать!

– Ладно, только скажи честно, может, облегчишь мне задачу. Сама ты не помнишь случайно такой фильм под названием «Раздел XXIX. Аквазона. Тетраоты и простейшие тубосимбионты. Часть 2.»?

– Нет, – протяжно выдохнула заинтригованная и одновременно сконфуженная Дари. Ока закатила глаза, то ли сосредоточенно вспоминая что-то, то ли стыдясь смотреть в глаза собеседнице, и заговорила чужими фразами, почти на одной ноте:

– ...Опыты по выведению адаптированных к титаново-ферритовой среде одноклеточных дали к концу третьего тысячелетия первые положительные результаты. Колонии микроорганизмов нескольких штаммов, в частности, CF-17, CF-18 не оправдали первоначальных надежд. Основа колоний подвергалась медленному разрушению, а сами колонии вырождались и распадались на отдельные особи с первоначальным генным набором. Благодаря инкубатору Герштольца-Бригга в лаборатории «Губернатор-майор» получен амёбоидный штамм MF-101 гигантских простейших. Длина особи достигала в потомстве с порядковым номером 1089 тридцати пяти метров, ширины 12 метров при толщине 1,5 метра. Протоплазма одноклеточного существа полностью соответствовала требуемым параметрам. Функции ряда органелл адаптированы к новым условиям обитания. Титаново-ферритовая основа являлась идеальной для развития и роста организма, при этом оставаясь стабильной по своей кристаллической решётке и волновым характеристикам. Форма простейшего полностью повторяла по мере роста форму предложенной ей основы. Обволакивая субстрат и заключая его в себя, мембранный аппарат не разрывался на всей площади примыкания к субстрату. Напротив, место примыкания искусственной и биологической сред представляло собой симбиотически усиленный вариант муфты, устойчивой к агрессивной среде. Внешние, не примыкающие к титаново-ферритовой основе оболочки особи образовывали экзоскелет за счет извлекаемых из жидкой среды солей и минералов... MF-101 является фотосинтезирующим простейшим и дальним потомком морских форм эукариотов с тонкостенным панцирем... Последующие генные модификации позволили локально усилить именно внешние оболочки за счёт перестройки биохимических процессов клетки. После адаптации симбиотического комплекса к агрессивной жидкой среде, соответствующей предполагаемым изменениям мирового океана, MF-101 может создавать непроницаемую муфту за счет притягивания ионов металлов, устойчивых к коррозии...

Ока внезапно замолчала и закрыла глаза. Некоторое время обе женщины молчали. Дари ничего не поняла из сказанного, хотя многие слова и понятия были знакомы. Возможно, по другим фильмам.

– Послушай, Ока, а почему бы самому Порку не попробовать пересказать фильм? Он, наверное, лучше помнит?

– Нет, Дари, что ты! Он стесняется. Молодой ещё. Я, видишь, и то не могу, да и помню не всё. Но скажу своими словами. Я много наблюдала за нашим островом, прислушивалась к разговорам... И название острова – Муфт-Опой. Мы, Дари, на Муфте живём – это такой гигантский организм. Живое существо, обросшее камнем, костями и металлами. Оно обнимает основание Тубы от самого океанического дна и до того места, куда не доходят волны. Оно живёт на Тубе и защищает её от воды. А ещё оно даёт нам кров и пищу. Вакуольный нектар, который мы все пьём – это его кровь.

Дари слушала заворожённо, словно опять, уже наяву, видела очередной фильм и узнавала его.

– А расколы в острове на северной стороне, – продолжала Ока, – это дыхание муфты. Она вздыхает, панцирь её лопается, организм выбрасывает лишние, отработанные газы, и она вновь засыпает. А панцирь срастается. Это всё предки придумали, чтобы мы жить тут смогли. Только вот для чего, я всё думаю? И Порк думает. Он с детства только об этом и думает. И знает, где ответ найти. То ли фильмы другие помнит, то ли узнал что. Мне ничего не рассказывает. Мы даже фильм «Раздел XXIX. Аквазона. Тетраоты и простейшие тубо-симбионты. Часть 2.» друг другу не пересказывали, только название он произнёс, как я всё поняла. Так вот он точно знает, что в Тубе ответ искать надо. И нечего на Кольцо лезть, нет там никаких оранжей, там другие живут люди. А если не через Кольцо, то как!? Когда он рассказал мне свой план, я чуть не умерла...

Ока помолчала, переводя дух. Дари ещё больше напряглась, вспомнив, с чего их разговор начался, – с того, как погиб Жинка в разломе. Ей самой сделалось плохо, она схватилась за грудь...

Глава 8

Дари не спала всю ночь, дети тоже беспокойно ворочались. Ей виделся Коса. Как он там? Кого встретил, что узнал? Наверняка ему открылась великая тайна предков. Вернётся ли он сегодня ночью? Она чувствовала, что нет. Одновременно с этим её наполняла абсолютная уверенность, что он жив и здоров. Любовь, которую она к нему испытывала, делала женщину более чуткой, более слышащей и видящей.

Много лет назад, когда погибла в океане его фема Лолия, Дари прониклась к Косе огромной симпатией и нежностью. Лолия была красивая девушка, светленькая, веснушчатая, доброжелательно улыбающаяся всем. Очень гостеприимная (они жили тогда на северо-восточном берегу, в пещере у Глазничного ущелья). Только-только они выбрали друг друга и тут же зачали своего первого ребенка. Ей было 14, ему – 16. Он безумно любил её. Это стало понятно, когда она погибла, и он оплакивал потерю почти год, не подпуская к себе других женщин, став даже агрессивным к ним. Только к Дари он оставался нежен. Он прижимался к ней, когда она жалела его и успокаивала, а он как единственному родному человеку признавался, что любит до сих пор свою Лолию.

...Был тёплый летний день. Океан безмолвствовал. Лолия и Коса резвились в воде. Он нырял, прикасаясь губами к её уже заметному животу. Гладил и ласкал любимое тело. Счастливая девушка хохотала, визжала от восторга и щекотки.

Увлёкшись, они заплыли несколько дальше, чем можно.

Возле самого берега, стены которого уходили под воду совершенно отвесно, купаться было безопасно. Здесь в изобилии росли зелёные нитевидные водоросли, длиной не больше двух пальцев, в них плавали маленькие стайки асцидий и ихтиостегов, совсем безопасных океанических животных, очень пугливых и бесполезных (мясо их не было питательным). Можно даже было погружаться глубоко под воду вдоль стены острова. Многие смельчаки, пытаясь достичь дна океана, заплывали так далеко, что начинало давить на уши и кружилась голова. Многие тонули, не успев вынырнуть и захлёбываясь водой. В идеально прозрачной воде было видно далеко, очень далеко, но в глубине – только чёрная бездна, и если даже солнце светило отвесно, бездна оставалась непроглядной. Некоторые люди считали, что дна нет вообще. Но большинство было уверено в обратном. Иногда из воды поднимались большие пузыри воздуха, очень зловонного, и несли с собой кучи чёрной грязи. Они долго плавали большими кляксами на поверхности воды. Если ветер подгонял их к берегу, люди острова могли тщательно изучить содержимое. И порой в них находились интересные вещи: полупрозрачные мелкие косточки людей, почти растворившиеся за долгие годы, копны волос, черепки крокусов, такие же, изъеденные солью, длинные извивающиеся червячки...

А однажды всплыл совсем уж непонятный предмет. Кто-то назвал его бутылкой, якобы видел такую в одном из своих детских фильмов. Это была прозрачная короткая трубочка с витым выступающим ободком вокруг (туда с трудом просовывался большой палец). Края более тонкой части были изъедены временем. Если предмет перевернуть вниз узкой трубочкой (или горлышком, как назвал её тот же человек, что вспомнил про бутылку), получалась идеально ровная воронка. Кто-то забрал эту бутылку себе, ровно обрезал края и использовал в хозяйстве именно как воронку, пристроив, кажется, в конденсаторной камере.

Подальше от берега, на расстоянии пяти-десяти ростов, начинались всякие опасности. Под водой было хорошо видно, что из глубины океана почти к самой поверхности воды тянулись тонкие извивающиеся разноцветные ленточки или трубки. Если проплывать над ними аккуратно, то ничего особенного не происходило. Но стоило опустить ноги поглубже, как что-то обвивало тебя за лодыжки и тянуло вниз. Вырваться удавалось довольно легко, но ощущение было неприятным.

У людей острова было правило: отправлять умерших в океан. Если труп оставался у берега, он не тонул, а мог плавать, издавая зловоние очень долго. Поэтому мёртвого забрасывали подальше, привязывая к ногам несколько пластинок титаррита. Они не топили тело, голова всё равно выступала над водой. Но потом она начинала покачиваться верх-вниз, и внезапно мертвец стремительно и с бульканьем уходил под воду уже безвозвратно. Словно кто-то хватал его за ноги и быстро утаскивал в бездну. Конечно, это проделывали те самые ленточки или что-то ещё.

Когда Лолия и Коса, потеряв бдительность, заплыли на запретное расстояние, люди с берега – в тот день все местные семьи наслаждались тёплой водой и солнцем между его морганями – закричали им, предупреждая об опасности. И в тот же миг Лолию что-то потащило на дно, она вскрикнула и исчезла. Коса кинулся за ней под воду, хватая возлюбленную за руки, чтобы вытянуть к берегу. Несколько мужчин одновременно бросились в океан и, не сговариваясь (так уже бывало), выстроились в цепочку, крепко держа друг друга за ноги. Группа оставшихся на берегу продолжила эту цепочку на суше. Когда самый первый поймал под водой уже глубоко погружившегося и не отпускающего Лолию Косу, оба влюблённых к тому моменту захлебнулись и были почти полностью обвиты смертоносной дрянью.

Косу вытащили на берег. Откачивали сразу двоих. Его и того храброго парня, который держал Косу мёртвой хваткой. Он тоже наглотался воды. А Лолия осталась жертвой бездны.

Когда ребят привели в чувство, рассмотрели и то, что их обвивало. Это были цветные, в основном бледно-красного и темно-зелёного цвета, плоские, как ленты, и круглые, толщиной с мизинец, черви. Они ещё шевелились, сочась кишками и кровавой слизью из оборванных концов...

Коса, очнувшись, хрипло кричал, пытался вновь кинуться в океан, но его крепко держали, пока он не успокоился и не осознал бессмысленность своего порыва.

Потом он рассказывал Дари, как Лолия смотрела на него под водой широко открытыми в испуге и недоумении глазами, как промелькнуло на её лице осознание конца. Как она пыталась, насколько хватало воздуха в лёгких, вырваться из цепких рук своего возлюбленного, чтобы он не погиб вместе с нею...

...Дари встала. Потолки в их пещере, как и в большинстве других, были высокими. Только подняв руку и встав на цыпочки, можно было дотянуться до него, да и то если ты достаточного роста. Только крупные и сильные мужчины нескольких поколений, неустанно строгая и полируя естественные пещеры острова, добивались таких идеальных форм: ровные полы, сводчатые потолки, овальные лазы, спальные лежа...

В дальнем конце пещеры слабо светился узкий проход, куда была вхожа только Дари. Сейчас её потянуло туда. Протиснувшись на корточках внутрь, она медленно сползла на дно

и присела на краю воронкообразного углубления в центре вакуольной камеры, где стояла, еле заметно колышась, жидкость, вакуольный нектар. Гирлянда из десятка глаз элис висела под потолком и освещала камеру.

– Значит, ты живая, – с трепетом тихо произнесла Дари и испугалась собственного голоса. Никогда она здесь не произносила ни единого слова. И голос звучал не так – акустические свойства камеры были совершенно отличны от привычной жилой части пещеры. А присутствие совсем рядом гигантского живого существа ощущалось теперь слишком явственно. – Но ведь ты добрая, раз кормишь нас? Ты заботишься о нас? Или твоя основная забота – Туба, чтобы её не подточил океан и она не упала? А что случится, если она упадёт? Я никогда не слышала, чтобы Тубы падали.

Жидкость на дне воронки слабо покачивалась, то прибывая, то несколько убывая.

Дари не удержалась, взяла в руку лежащий рядом на высеченном в стене выступе перевернутый черепок, зачерпнула им нектара и выпила. Жадно, с наслаждением.

Тщательно вылизала черепок, протерла краем повязки. Потом прядью своих волос. Провела пальцами, чтоб смахнуть случайно прилипшие волоски. Аккуратно положила черепок на место. Прислушалась. Низко наклонилась, одним ухом почти прильнув к воронке. Затаила дыхание. Да, определённо. Ей и раньше мерещились всякие звуки, но за свою жизнь, с самого детства, она настолько привыкла к ним, что попросту не замечала. И вот сейчас, узнав величайшую тайну (а сколько их ещё!), Дари явно услышала живые звуки из необъятной утробы этого существа по имени Муфта, одноклеточного простейшего организма. А настолько ли уж он простейший?

... Глухой рокот, будто перекачивание огромных пузырей газа в вязкой жидкости. Урчание, словно в кишках исполинского животного. Далекая трель, стрекот, и чуть ли не музыка из учебных фильмов детства.

По телу поползли мурашки. Дари откинулась к тёплой стене. Вот ещё загадка, о которой никто и никогда не говорил ей. Почему стены всегда одинаково тёплые? И летом, в жуткую жару, когда даже носа показать из пещеры нельзя, а питаешься по несколько недель только нектаром да пресной водой из конденсаторной камеры. И зимой, в лютые морозы, когда опять же пьёшь только нектар и жуёшь скудные запасы вяленых элис или противных киссов, или, на крайний случай, муку из толчёных рыжеедов. А все потому, что она действительно живая, эта Муфта. А мы, люди, ей нужны тоже. Мы пьём её нектар, делаем ей приятно, освобождая от лишней крови. Создавая и обживая пещеры, мы грем её теплом своих тел и костров. Мы стучим и скребём, высекая и вытаскивая на её панцире площадки, топчемся и бегаем по её телу, будто делаем ей приятный массаж. Если бы мы были неудобны ей, она бы убила нас давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.